

An impressionist painting by Elena Arsenyeva. The scene is dominated by lush, vibrant green foliage, likely a field of flowers or dense bushes. The brushwork is thick and textured, capturing the play of light and shadow. In the middle ground, a woman with blonde hair, wearing a light-colored, possibly white, dress, is seated on a path or among the plants. She appears to be looking down at something in her hands, perhaps a book or a small object. The overall mood is serene and contemplative. The text 'Елена АРСЕНЬЕВА' is written in red at the top left, and 'ЦВЕТИЦА' is written in large red letters at the bottom center.

Елена АРСЕНЬЕВА

ЦВЕТИЦА

Елена Арсеньевна Арсеньева

Цветица

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41279068

Цветица:

Аннотация

Женщина, у которой не было детей, пошла к колдунье, и получила от нее крошечное зернышко, из которого выросла... нет, не Дюймовочка, и целая вселенная цветов. Ее так и зовут – Цветица. Она стала единственной подругой бедной одинокой Майи, но однажды одинокую женщину окольцевал Змей-обольститель, и теперь он желает забрать в своей племя Чужих ребенка, которого носит Майя. А чтобы спастись, она должна предать на смерть Цветицу...

Елена Арсеньева

Цветица

Памяти Маши Шмаковой

*Суровой осени печален поздний вид,
Но посреди ночного небосвода
Она горит, твоя звезда, природа,
И вместе с ней душа моя горит.*

Н. Заболоцкий

Жила-была одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось маленького ребеночка. Вот пошла она к колдунье и сказала:

– Мне бы очень хотелось, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

– Почему не сказать? – ответила колдунья, поднимая рассеянный взгляд от больничной карточки. – Почему не сказать? – повторила, погружая взор в глаза Майи, и та подумала, что врач, конечно, поймет ее беду и поможет.

– Все проходит, – сказала колдунья как бы между прочим. – Ты об этом знаешь?

– Слышала, – коротко ответила Майя.

– Слышала? – Брови колдуньи приподнялись. – А ведь ты уж далеко не девочка. Прописные истины пора поверить соб-

ственным опытом.

Майя только плечом повела.

– Да, да. Как это ни печально, ничто не вечно под луной.

Майя невольно глянула в окно, до половины прикрытое белым шелком шторок. Известно, что никогда закату не настичь рассвета. Но есть при угасании дня особая пора – встречи бледной, еще немощной луны и уже усталого солнца. Как раз настал этот миг, и Майя подумала: «Зачем вообще встреча, если она кончается разлукой?»

– Мужчины все одинаковы, – встряхнул ее голос колдуньи. – Это тоже истина, к которой рано или поздно приходит любая женщина.

– Я никогда не выйду замуж, потому что не смогу забыть Его, – хмуро ответила Майя. – Объятия другого мне отвратительны.

– Не зарекайся.

– Это – истина для меня. Но выходит, что я зря обратилась к тебе? Ты не в силах мне помочь?

– Почему же? Вот тебе зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и какими кормят кур. Посади это зернышко в цветочный горшок...

– Я ПРАВИЛЬНО ПОСТУПАЮ?

– ВЕРЮ ТЕБЕ.

– ...потом увидишь, что будет,

– Спасибо! – вскричала Майя, легко и радостно вставая, и выскользнула в коридор поликлиники, стиснув в кулачке зернышко.

Душа ее сияла в этот миг. К тому же оказалось, что на дворе весна. Проклюнулась трава, первые одуванчики уже сигналили солнцу. Майя мигом сняла шубу и шапку – когда она шла к колдунье, дорогу заметал январь, – и ускорила шаг, надеясь добраться до дому прежде, чем станет невыносимо жарко в шерстяном платье и сапогах.

«Пожалуй, это конец апреля! – весело думала она. – Или даже начало мая. Самое время сажать, зерно!»

Однако она не утерпела и позвонила из автомата подруге. Ту не зря звали Умной Эльзой – сразу начала мудрить:

– На твоём месте я не очень бы доверяла какой-то там колдунье. Хоть проверили, зерно всхожее? А вообще ты представляешь, кто родится в цветке?! Дюймовочка! Это только звучит красиво. Дюйм – по-нашему два с половиной сантиметра. Представляешь – дочка?? Как ты ее покажешь людям?

Бросить трубку было нельзя – Эльза обиделась бы навеки. Майя еле дождалась, пока разумные доводы подруги иссякнут. Наконец она простилась с Эльзой и со всех ног бросилась домой, потому что зернышко в кулаке, казалось, шелестит и стрекочет от нетерпения прорасти и подрасти.

Дома Майя посадила зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила – семечко сразу дало росток, а из

ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан, только не красный и не черный даже, а нежно-сиреневый, невиданного, тревожного оттенка. Но лепестки его были прочно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой прелестный цветок! – сказала Майя и поцеловала красивые лепестки.

И только она поцеловала лепестки, там, внутри, в бутоне, что-то щелкнуло, и цветок раскрылся.

Собственно говоря, именно этот миг Майя пропустила. Вот уж, действительно, умудриться проворонить самое главное, сказала бы Умная Эльза. Но лишь коснулась Майя цветка губами, как за ее спиной резко шумнуло, будто яблоко упало в траву.

Какое яблоко, какая трава?! Привычка за спиной, ничего более! Привычка комната, привычка одиночество, привычка жизнь... Но комната вдруг наполнилась голосами. Кто-то смеялся и плакал, звонко распевал и скрипуче бранился, торжественно клялся и издевательски хихикал... Однако в том-то и дело, что голос был Один. Это был, без сомнения, женский голос. Или детский. Ну, в крайнем случае, мужской. Но уж конечно человеческий. А может быть, и нет.

Майя снова приблизила лицо к цветку. Но сердцевинки его – обычной сердцевинки с пестиком, тычинками и пушистой пыльцой – не увидела. Там что-то струилось и переливалось, и все это было сиренево-серебристое, с опаловыми

облаками. Мелькание все убыстрялось, оттенки веселились.

«Но это уж от усталости в глазах рябит», – подумала Майя.

Между тем поблекла за окном улыбка заката, на землю обратила свой печальный взор луна. Майя с трудом оторвалась от созерцания удивительного цветка. Пора спать! Она побрела к постели, и одежда сыпалась с нее, будто яблоки с утомленной яблони.

Простыни холодно мерцали. Майя зябко свернулась, стараясь не глядеть в сторону сиреневого сияния, прикрыла ладонями глаза, призывая к себе сон, и наконец-то уснула, и всю ночь на нее смотрели лица то ли людей, то ли звезд, то ли трав, но были те травы высоки и заглядывали в комнату свысока и снисходительно, как звезды. Иногда Майя просыпалась и видела, что луна не отходит от окна и настойчиво смотрит в сонное лицо цветка, стоящего на подоконнике. Ночь бежала мимо дома, не сминая трав. А на рассвете Майя услышала торопливо удаляющиеся шаги, бег, скок и трепет листьев.

Ах, как чудесна была та беспокойная ночь! Но утро завистливо изгнало ее, и над землей задрожал зыбкий зимний рассвет. Да, опять пришла зима: от вчерашнего апреля-мая не осталось и следов: все их замело. Сопки вдали, за рекой, были похожи на большие синие сугробы.

Майя подошла к окну.

Цветок поблек. Сейчас он напоминал озябшего котенка.

Цветок да и цветок, ничего особенного!

Раздался отдаленный рокот, засветилась молния.

Среди зимы? Не к добру это. Быть беде!

У ворот, закачавшись, как от последней усталости, остановился автомобиль, и кто-то черный проскользнул в подъезд.

«Конечно, все это очень мило со стороны колдуньи, – сердито подумала Майя. – Ложь во спасение. Гомеопатия, траволечение – как это называется? Лучше бы мне сразу обратиться в Дом ребенка. Но могут не дать мне дитя на воспитание. Так и останется мне одиночество...»

Одиночество неслышно прильнуло к ней сзади, грустно дыша в затылок: «Привыкай, знать, судьба...»

Майя досадливо отстранилась и взяла телефонную трубку. «Позвонить колдунье. Нет ли еще какого средства? И Умной Эльзе, У этой везде блат. Может быть, и в Доме ребенка тоже?.. Я больше не могу, не могу, мае нужно любить и беречь, иначе сердце остановится во мне и я умру».

Оказалось, зимняя молния накликала-таки неприятность: телефон не работал. А мобильный она выбросила после того, как он предал ее.

Майя заметалась по комнате. Воспоминания начали нанизываться, как петли на спицы, и вот уже протянулось целое полотнище. Ведь так уже было в ее жизни – не работал телефон. Тогда она ждала звонка и не могла понять, отчего его нет. От ожидания она обессилела, словно от потери крови.

А потом оказалось, что звонили ей, звонили! Однако сотовый предатель затаился и промолчал. А заговори он тогда, отзовись... Может, Любимый остался бы жив? Может быть, Майе удалось бы уговорить, умолить, уплакать его отказаться от бредовой мысли – заглянуть в глаза Природе? Нет, Любимый не поговорил с нею и уехал без ее слез и благословений. Сколько писем улетело легким клином сизокрылым вслед ему... Ответа Майя так и не дождалась. Только тучам оставалось молиться: «Уходит облако – потемневшее, отяжелевшее. Оно словно бы впитало в себя мои слезы. Где устанет оно носить их над землей? Они прольются, люди скажут – дождь. Коснется ли хоть одна капля твоего усталого лица?»

Теперь-то она понимала, что, когда человек долгое, долгое время живет лицом к лицу с Природой: в море ли, в тайге, среди полей и хребтов, – он уверен, что остается самим собой. Но это невозможно, нет, он не прежний. Он дышит воздухом Природы и думает ее думу, и эта дума начинает кружить ему голову, и он решает остаться с Природой навсегда – чтобы всегда смотреть ей в глаза. А говорят, заплутался в тайге, утонул, упал со скалы – какая глупость! Он самозабвенно рыщет среди деревьев, волн, камней, но не найти ему дороги назад, да и не ищет он ее...

И вот снова не работает телефон. Кто знает, что скрывает его молчание на сей раз? Нет, надо немедленно позвонить от соседей и вызвать мастера.

Майя вышла на лестничную площадку. В стекло било хо-

лодное раскаленное солнце, черный силуэт маячил у двери напротив. Майя обогнула его, притронулась к кнопке звонка, но дверь не отворяли: очевидно, соседки-старушки не было дома.

– Нет ее, нет, – подтвердил мягким баритоном черный силуэт. – Я тоже ее жду. Вызвала телефон отремонтировать, а сама ушла. Забыла, вероятно.

– Вот повезло! – сказала Майя. – Может быть, вы заодно и ко мне зайдете? У меня тоже сломался телефон.

Солнце ушло из окна, и у силуэта образовалось лицо. Ох, задуматься бы Майе: что же это за человек, лицо которого видно лишь во мраке, а на свету оно пропадает? Но она отметила лишь, что это красивое лицо. Мастер что-то говорил, но губы его не шевелились. Казалось, рот его сжат навечно, и не только словом, но и поцелуем не разомкнуть его.

Еще бы! Так он скрывал, что вместо языка у него – змеиное жало. И Майя не увидела жала и впустила незнакомца к себе в дом. А то был Змей. Надо сказать, он действительно был славен своей красотой, и уж давно люди знали его силу. Сколько бедных женщин он погубил на своем веку, и даже Ева была не первой среди них. Искони предостерегают женщин от Змея: «Не любя полюбишь, не хваля похвалишь такого молодца; умеет оморочить он люден, душу красной девицы приветами; усладит он, губитель, речью лебединою молодую молодицу; заиграет он ненаглядную в горячих объятиях, растопит он, варвар, уста алые. От его поцелуев го-

рит красна девица румяной зарей; от его приветов цветет она красным солнышком. Без Змея красна девица сидит во тоске, во кручине; без него не глядит она на белый свет, без него она сушит, сушит себя!»

Но Майя не знала этого, и теперь настал ее черед. Змей особенно опасен, потому что он всегда является именно тем, кого хочет видеть женщина, будь то прекрасный юноша, или мудрец с яблоком познания в кармане, или телефонный мастер. Он почуял в Майе ожидание весны, а ведь именно в пору ожидания весны пробуждаются змеи...

Телефон, однако, он починил мгновенно, как будто вступил в сговор с медной проволокой. Майя благодарно улыбнулась Змею и тут же на миг оцепенела под его взглядом. Словно за спасением, подошла она к окну. За стеклом клубился морозный туман, и дома напротив были похожи на затонувшие корабли. Головы прохожих плыли отдельно, а тела растворял туман.

– Как уныла, черно-бело-однообразна зимняя толпа. И только женские лица оживляют ее, словно розовые цветы болиголова. Не правда ли? – проговорил Змей.

Над ухом Майи словно сквозняк просвистел. Она повернула голову, чтобы возразить: болиголов цветет белым, – но тут Змей стиснул ее в объятиях и ужалил в рот. И сразу стемнело – ведь страсть всегда рыщет впотьямах.

Отравленная, Майя упала бы, но он держал ее не только руками, он окольцевал ее всем телом. Она задыхалась, но гу-

бы онемели от укусов Змея и не давали прорваться стонам. Она сама себе показалась змейкой, которая линяет, потому что одежда сползла с нее, как узорчатая кожа, и тело стало гибким, бескостным, их языки свились, будто разогретые жаром ртов змеи, и ноги, и руки, и тела переплелись, и Майя перестала дышать...

Наконец она почувствовала свободу и смогла вздохнуть омертвелой грудью. Змей уже стоял у двери, косясь на Майю золотистым глазом.

– Слышу, пришла твоя соседка. Надо оправдать вызов. А тебя я еще найду. – Он провел рукой по косяку и выскользнул из комнаты.

– ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ДАЛА МНЕ СПАСТИ ЕЕ?

– ВО-ПЕРВЫХ, Я НЕ СРАЗУ УВИДЕЛА ЖЕЛЕЗНУЮ БУЛАВКУ В КОСЯКЕ. А ПОТОМ – ОТ ЧЕГО СПАСТИ?

– ОТ ЭТОГО УЖАСА.

– ЭТО НЕ УЖАС. ЭТО ЖИЗНЬ. ИНАЧЕ МАЙЯ УМЕРЛА БЫ С ТОСКИ.

– ЗАЧЕМ ТОГДА Я?

– ТЫ ЕЩЕ СКАЖЕШЬ СВОЕ СЛОВО. И ОЧЕНЬ СКОРО.

Майя сидела на полу, прижавшись спиной к батарее отопления. Подкрался с улицы Поземщик, обнял ее колени, приник очами к очам, велел: «Стынь!» Она покорно застывала, и

с этим холодом не справиться было отопительной гармошке.

Сколько уже сидит Майя вот так, на полу? Заря не мигая смотрит в окно, но скоро солнце снова уйдет из города, да жаль, что не навсегда, а только на ночь.

Уйти бы вслед за солнцем и луной! Холодно, холодно. А когда-то она засыпала, и Любимый убаюкивал ее, еле слышно целуя в голову. И не было тогда рядом, конечно, Поземщика, весь мир грел ее. Слово «тепло» было равнозначно слову «любовь».

Но что это? Отопления прибавили, что ли? Волны приятного жара поплыли по телу. Отпрянул от коленей Поземщик, испарился из комнаты. Можно расправить оочевеншее тело, открыть глаза.

Все ласково и тепло кругом, но кто сделал это? В комнате пусто, темно...

Нет, не темно. Льется с подоконника серебристо-сиреневый свет. Ах да, цветок!..

– Ты снова раскрылся, цветок? Ну что же, сияй, если не умеешь ничего другого. Но... где же было твое сияние, ты, бездушное и бездумное создание? Тебя дали мне на утешение, на спасение моей охолодавшей души, но вспомни, как ты утешило меня? И глаз своих сиреневых ты не открыло, чтобы увидеть этот кошмар!

– Я видела. Глаза – они не все увидеть могут. Я видела – иначе, может быть, но ничего не скрылось от меня.

– Ох, видела она! Да чтоб тебе иссохнуть; Чтоб вверх корнями прорасти тебе, вонзивши венчик в землю!.. О Боже, как я говорю?! – спохватилась Майя. – Прямо шекспировская героиня. Да и цветок... Чревовещатель!

– Не обижай цветы убожеством подобных мыслей, Одумайся, взгляни: не зря мороз, волшебный живописец, рисует на стекле не очи жаркие людей, не лики скорбные животных, а мир цветов, диковинных, магических растений. Ну и звезды, ведь без звезд нельзя. Что? Призадумайся.

– Мороз рисует нам на стеклах мир растений, потому что... Ох, привязался этот слог! Да, так вот: что мы хотим увидеть, глядя на морозное стекло, то и видим.

– Быть может, это так. Но значит, что хотите видеть вы одни растения – цветы и травы?

На это ответить было нечего. Да в что мог ответить бедный, свернувшийся в клубочек от одиночества разум Майи? Хотелось только – слушать и слушать этот голос.

Голос? Слова? В них, казалось, поют все ветры мира, а разве ветры поют словами?

– Кто ты? – спросила Майя.

Молчание.

– Не умолкай, не оставляй меня!

Она подошла к окну.

Играли звезды в середине цветка, будто пылинки в солнечном луче, складываясь в неведомые созвездия, и снова распадались, взрываясь, превращаясь в смешение лиц, горо-

дов, крыльев, полей...

– Вселенная – в горшке цветочном?! Вот так диво!

– Нет, человек стоит лицом к лицу с собой – вот в чем диво.

Это было именно так! Майе казалось, что. ее душа имеет лицо и смотрит на нее же.

– Как тебя зовут, цветок?

– Что имя? Людям надо непременно заклеить названием явление, будто это вещь, что им принадлежит от века. Все, что существует, носит ваши клейма. Не проще ль ощущать и сострадать, не называя слова?

– Да. Но ты – цветок. Вселенная. Ты – вихрь метелей междузвездных. И вновь цветок. Не человек. Страдание неведомо тебе.

– Ох, ваши истины смешны – и так верны порою! Кто не живет, лишь тот и не страдает. Кто не страдал – тот не извдал жизни.

– Страдала – ты? Ты – женщина... цветка, заезды? Цветунья?

– Цвет... как меня ты называешь?

– Цветунья? Нет. Цветида? Нет... Цветица?

– ТЫ ТОЛЬКО ЧТО УСМЕХАЛАСЬ НАД СТРАСТЬЮ ЛЮДЕЙ ВСЕМУ ДАВАТЬ НАЗВАНИЯ. А ТЕПЕРЬ И У ТЕБЯ ЕСТЬ ИМЯ. ТЫ НЕ ПРОТЕСТУЕШЬ?

– НО ВЕДЬ ТАК ХОТЕЛОСЬ МАЙЕ.

- ТЫ БУДЕШЬ ПОКОРНА ВСЕМ ЕЕ ЖЕЛАНИЯМ?
- ЧТО ТЕБЯ ВОЛНУЕТ?
- НЕ СТАНЕМ ЗАБЕГАТЬ ВПЕРЕД.

В саду облаков и звезд цвела планета. Люди ее и растения пели одну общую, ладную песнь до той поры, пока людям не показалось, что голос растений слишком звонок и вообще – они занимают чересчур много места. Люди попросили соседей потесниться. Странна была эта просьба. Ведь украсить землю цветами – все равно, что украсить ее любовью. Но как не ответить добром на добро? Погоревали цветы, посоветовались со звездами – цветы и звезды прекрасно понимают друг друга, ведь они вечно глядят друг другу в очи, – и отправили многих детей своих в дальние дали, на попечение знакомых звезд. А на самой планете новых растений, молодых и сильных, оставалось все меньше. Однако они по-прежнему нежно обращали свои взоры к людям.

Но людям этого показалось мало. Они перестали просить – они начали требовать все больше свободного места, чтобы украшать все новые и новые пустоши грудями камней, морями вонючей жидкости и собственными отходами.

Цветы любили людей. Однако нельзя до бесконечности испытывать любовь.

И все же растения не озлобились – они затаились. Перестали приветствовать людей и отвечать им, даже сделали вид, что забыли их язык. Они много знали о планете и ее

тайнах, но перестали верить эти тайны человеку. При всем своем терпеливом могуществе они начинали провидеть разрушительную опасность, исходящую от человека, который, вечное дитя, очаровывается поддельным больше, чем истинным, и дело рук своих тщится сравнить с изделием Природы, заранее готовый присудить победу себе.

Летела, летела в небе, исчерченном созвездиями, планета, словно удивительный живой корабль. Путь ее был прекрасным и бесконечным. Но экипаж в безумной самоуверенности начал постепенно разрушать свой корабль, систему его жизнеобеспечения, рассчитанную на длинный, длительный полет. Планета заболела. А потом началось ее медленное умирание. Однако она была еще жива и, выполняя извечную программу, продолжала оберегать своих обитателей – своих разрушителей. А они не сомневались, что по-прежнему властны над собой и кораблем. Однако странно, странно! Медленное убийство планеты стало их медленным самоубийством. Сначала погибла жалость; потом занедужила память о прошлом; угасла благодарность родной планете, столь долго и верно несшей их во Вселенной; захворало преклонение перед вечной Красотой; тяжело бредила ответственность перед грядущим; уродливо нарывала созидательная сила... Иные здоровые голоса были слишком слабы, бессильны перед общей тупой, надвигающейся, прогрессирующей болезнью – «Мы летим! Мы долетим!» – еще мечтали в своем самодовольстве люди, но куда? Как? Накормит ли

их метеоритный рой, напоит ли лед абсолютного холода, согреют косматые солнца, утешит чернота межзвездных провалов? У Вселенной времени сколько угодно, а у человека?

По умирающей планете, населенной умирающими растениями, бродили умирающие люди, уверенные, что идут твердой поступью к счастью. Но только призрак памяти о прежней красоте и гармонии витал над останками растений. Их становилось все меньше и меньше. И наконец последний цветок, умирая на обломках корабля, уничтоженного своим же экипажем, взял погибающую планету под защиту. Он разметал семена свои в небе, потому что уже не было для них иного места – взойти. Пыль семян смешалась с межзвездной пылью. И порою она достигала дальних миров, оставляя на них всходы странной, фантастической жизни. Каждое из семян – такое малое! – унесло в себе родную планету – такую огромную! – прежней: цветущей и живой. В каждом из тех семян жили память о счастье дружбы людей и растений, горечь смертельной обиды – и вечной стремление простить эту обиду, возродившись в мирах иных, вновь оживив в себе свою планету – цветов и людей.

Цветица закончила свой рассказ. Закатный розовый туман, висевший за окном, сменился ночной тьмой. И засветила свои недолговечные огни маленькая Вселенная города.

– ТЫ ДУМАЕШЬ, МАЙЯ ПОНЯЛА, КТО ТЫ?

– ДА, Я ВЕРЮ.

– УЖ СЛИШКОМ ВСЕ ЭТО НЕПРИВЫЧНО НАШЕМУ РАЗУМУ.

– ПРИРОДА БЕСКОНЕЧНО ИЗОБРЕТАТЕЛЬНА. ГДЕ ОБЪЯТЬ ЕЕ РАЗУМУ ЧЕЛОВЕКА. ИНОЙ РАЗ ВЕРА НУЖНЕЕ ПОНИМАНИЯ.

– ХОРОШО, ТОГДА ПОЯСНИ МНЕ...

– ТЕБЕ?! ТЕБЕ, КОТОРАЯ СОЗДАЛА ВСЕ ЭТО!

– ДА, ДА, МНЕ, КОТОРАЯ... И САМА ВЕЛИКАЯ ПРИРОДА НЕ ВСЕ ПОНИМАЕТ В СОЗДАНИЯХ СВОИХ. А Я ВСЕГО ЛИШЬ... НУ, НЕ О ТОМ РЕЧЬ. НЕИЗВЕСТНО, ЕСТЬ ЛИ НА ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ ЛЮДИ, НО ЦВЕТЫ ЕСТЬ. ОНИ ЭТО ЗАСЛУЖИЛИ. НО ПОЧЕМУ ЖЕ ТЫ НОСИШЬ ЛЮДЕЙ, ТЕХ, КТО СГУБИЛ ТВОЮ ПЛАНЕТУ, В СЕБЕ, КАК МАТЬ НОСИТ ДИТЯ ВО ЧРЕВЕ СВОЕМ? ПОЧЕМУ НЕ ДАЕШЬ ИМ ПОГИБНУТЬ? РАЗВЕ МАЛО ТЕБЕ ХРАНИТЬ ПОЛЯ, РЕКИ, ЛЕСА И НЕБЕСА ДАЛЕКОЙ РОДИНЫ? ЗАЧЕМ ТЕБЕ ЛЮДИ?

– ЗАТЕМ, ЧТО НИКТО ТАК, КАК ЧЕЛОВЕК, НЕ УМЕЕТ РАДОВАТЬСЯ КРАСОТЕ ЦВЕТКА.

Прошло некоторое время, и вот однажды в автобусе, повернувшись передать деньги на билет, Майя увидела рядом колдунью.

– Ой, здравствуйте, дорогая колдунья! – вскричала она. – Я все хотела зайти к вам.

– Что-то беспокоит? – профессиональным голосом спросила колдунья.

– Нет, разве что невысказанная благодарность беспокоит меня. Я так счастлива благодаря Цветице... Целый мир теперь мое дитя!

Колдунья будто и не удивилась, только дрогнул в улыбке уголок рта:

– Да, я понимаю. Счастье... Давно не слышала я этого слова о настоящем. Все больше произносят с глаголами «были» или «будем». Ну что же, я рада за тебя. Лови свои счастливые мгновения. Ты увидела ленту золотую в нечесаной косе сероволосых будней. Смотри же на нее и глаз не отводи.

Майя радостно и непонимающе рассмеялась.

– Вот и моя остановка. Но я не прощаюсь с тобой надолго, – сказала колдунья. – Имей в виду, завтра у меня прием с восьми утра до двух. – И, спорхнув на асфальт, она понеслась к избушке на курьих ножках с табличкой «Поликлиника Центрального района».

«Зачем мне на прием? Странно!»

Однако вечером она уже знала, зачем ей завтра на прием к врачу...

Возвратившись с работы, Майя зашла в свой подъезд и сразу почувствовала этот запах. Наверное, где-то жарили лук на растительном масле. Жирные брызги этого запаха усеяли все вокруг и даже пропитали солнечные лучи, бьющие в ок-

но, и все отвращение, которое Майя когда-либо ощущала к жизни, тяжелым мячом подпрыгнуло к горлу. Она перестала видеть, слышать, она еще успела отпереть двери, но обморока уже не помнила.

...По реке плыла лодка. На ее борту было написано: «Катерина-одиночка». Река светилась от солнца. Какие-то люди стояли на берегу, в густой тени, показывали на Майю пальцами и смеялись. Они отличались от нее только тем, что Майя плыла по широкой реке, а люди стояли на берегу, но не было более чуждых существ в мире! И Майя легла на дно лодки, чтобы люди не видели ее.

Это был бред.

Майя оказалась в своей комнате. В незапертую дверь вошли Чужие, стали мучить смехом. Чужие были все разноликие, разноглазые, но все они были на одно лицо, одинаковые, будто покрытые общей оболочкой. А Майя лежала перед ними – одна, особенная, другая – уже не меж деревянных бортов «Катерины-одиночки», а меж ладоней Судьбы. Сначала они показались теплыми, а теперь медленно остывали.

«Если бы встать, закричать! Если бы помогли!»

Если стоял среди Чужих и равнодушно смеялся.

«Помоги! Верни время назад! Избавь меня от этого!»

Великий волшебник по имени Если посещает каждого. Сколько он сулит соблазнов! Но это все обман, туман и морок. А время – самое непреклонное, что есть на свете, оно

всегда уходит, несмотря на наши мольбы.

«Поземщик! Замети все мои следы и все дороги ко мне в памяти, мыслях и сердце, замети, Поземщик!»

И послушно мело, мело – по оледенелому дворцу тайги, и сквозным коридорам рек, и пустынным залам полей... И над горным озером, которое, промерзнув до дна, лежало в отрогах Сихотэ-Алиня, будто чье-то вынутое и брошенное сердце, мело, мело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.